

18+

Леонид Бляхер

Поход за волей

Забытая война на Амуре

Леонид Бляхер

**Поход за волей.
Забытая война на Амуре**

«Издательские решения»

Бляхер Л.

Поход за волей. Забытая война на Амуре / Л. Бляхер —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984142-1

Часто можно услышать, что Россия выиграла Сибирь в лотерею. Это или откровенная ложь, или заблуждение. Этот мир был отвоеван людьми в жестокой схватке с сильными и умными противниками, связан с десятками войн и сотнями битв, со сложными союзами и меняющимися политическими раскладами. Об одной из этих войн, сражении за Приамурье (1649 — 1689 гг.), и пойдет речь в моей книжке. Это книжка для тех, кто знает или догадывается, что подлинная судьба России создавалась здесь, на Востоке.

ISBN 978-5-44-984142-1

© Бляхер Л.
© Издательские решения

Содержание

Два слова от автора	6
Введение	7
Глава 1.	11
Глава 2.	18
Глава 3.	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Поход за волей Забытая война на Амуре Леонид Бляхер

Ирина Батраченко *Редактор*

Ирина Одарченко *Иллюстратор*

Григорий Хабаров *Фотограф*

© Леонид Бляхер, 2020

© Ирина Одарченко, иллюстрации, 2020

© Григорий Хабаров, фотографии, 2020

ISBN 978-5-4498-4142-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Два слова от автора

Дорогие друзья!

Часто можно услышать, что Россия выиграла Сибирь в лотерею. Это или откровенная ложь, или заблуждение. Этот мир был отвоеван людьми в жестокой схватке с сильными и умными противниками, связан с десятками войн и сотнями битв, со сложными союзами и меняющимися политическими раскладами. Об одной из этих войн, сражении за Приамурье (1649 – 1689 гг.), и пойдет речь в моей книжке. О сильных, жестких, порой жестоких людях, совсем не похожих на лакированных «первопроходцев», благодаря которым и возникло Русское Приамурье. Моя книжка для тех, кто знает или догадывается, что подлинная судьба России создавалась здесь, на Востоке.

Эта книжка была бы невозможна, если бы не поддержка моих замечательных друзей. Предложение Олега Крючка заставило меня погрузиться в эту эпоху. На публичных лекциях, организованных Александром Кимом, мои мысли и способ подачи проходил апробацию. В жестких спорах с моим друзьями-оппонентами, Виктором Чернышевым и Алиной Ивановой, складывалась концепция книжки. Спасибо авторам сотен статей и монографий, которые дали материал для моих литературных опытов, спасибо критикам и не-критикам. И, конечно, спасибо тебе, любимая.

Леонид Бляхер

Введение

История Русской Азии – явление странное, загадочное. Она, безусловно, есть. О Сибири и Дальнем Востоке пишут исторические и этнографические книги, журналистские статьи, массовыми стали ролики «про Сибирь» на разных просветительских сайтах, проводятся конференции и симпозиумы. В «загадочную Сибирь» едут журналисты и фотографы, природозащитники и прочие любители экзотики. Все это так. Однако в массовом сознании история России остается на Западе, в Европе. Там, в Европе, эпохальные события. Здесь, за Уралом, а тем более за Байкалом, остается только тягучее и не очень понятное «освоение пустого пространства». Но было ли оно пустым? Да и вообще – каким оно было? Какую роль сыграло это «пустое пространство» в истории страны и не только страны?

В этот момент начинаются сложности. И дело совсем не в том, что кто-то «замалчивает» русскую историю за Уралом или за Байкалом. Просто это – «региональная история», местная, не вполне «полноценная». Есть Большая история. Она задает матрицу подлинных, настоящих событий. Именно она определяет, какие события и процессы действительно важны, а какие случайны. Если же события «региональной истории» не вписываются в логику Большой истории, то они остаются за пределами интереса. Их не замалчивают – их не замечают. Просто люди, которые пишут Большую историю (мировую, историю империй), как правило, смотрят из столицы, из центра. Именно там, в центре, создаются критерии отбора: что важно, а что – не особенно, задается взгляд на мир. Именно там для всего человечества или значительной его части определяется смысл и ход развития.

Так сложилось, что последние три столетия (или около того) центр мира для России (и не только для России) находился в Европе. И для исследователей, и для обывателей вписать местную историю в логику истории Европы значило (и значит) приобщиться к Большой истории, увидеть смысл собственной жизни, жизни своей территории. И неважно, где именно физически находится исследователь или обыватель. «Смотрит» он из центра. Не случайно большая часть Русской Азии именуется Востоком. А гигантский регион от Памира до Алтая многие столетия именовался Мавераннахр, что на арабском языке означает «то, что за рекой». То есть, настоящая жизнь – где-то там, а мы живем вдали от нее, за рекой, за озером. Словом, не там, где происходит все действительно важное. *Дальним*

В соответствии с этим взглядом определяется и масштаб событий. То, что значимо для центра, для империи (или для будущей империи) становится огромным. Остальное же если не исчезает совсем, то пребывает где-то на периферии, не особенно сказывается на общей панораме событий или даже никак не сказывается. В результате возникает стройная и последовательная картина, которая, естественно, абстрагируется от мелкого и незначительного. Таким «мелким и незначительным» оказывается вся местная история, приобретающая даже в глазах местных жителей некоторую «второсортность».

Есть ли выход? Конечно. Достаточно только изменить точку зрения, сделать иную «привязку к местности». Не выворачивать себя наизнанку, чтобы, находясь в Приамурье, смотреть «из Москвы» или, что еще смешнее, «из Европы», а осознать, что Приамурье – для наблюдателя ничуть не менее достойное место, чем имперская столица или даже мировой центр. И тогда, посмотрев на Большую историю с берегов Амура, мы увидим совсем иную картину. Причем, не только картину жизни Русского Приамурья с XVII по XXI век, но иную картину истории России, Большой Истории.

Пожалуй, самым невероятным и загадочным событием русской истории в этот момент и станет движение «встречь солнцу», на Восток, ведь именно оно предопределило уникальность судьбы России. Движение русских людей по Сибири до Великого океана часто сравнивают с приключениями испанских конкистадоров в Америке. Конечно, как любое сравнение,

оно справедливо лишь отчасти. Но стоит задуматься: а можно ли представить историю Испании (да и историю Европы) без этих приключений, без американского серебра, без «золотых галеонов» и пиастров, на которые, собственно, и создавался современный Запад? Наверное, можно. Но это будет уже другая история, гораздо более бедная и серая.

То же и с азиатской (сибирской) историей России. Можно ли представить Россию без нее? Видимо, да. Более того, именно так она и представляется в массовом сознании, в том числе в сознании самих жителей русской Азии. Сибирью мы потом, когда-нибудь будем «прирастать», а пока она нужна только для того, чтобы гордиться бескрайними просторами или пугать друг друга Сибирью, в которую сошлют. Жить же лучше в обжитом пространстве европейской России. А ведь судьба России, отличная от судеб множества «пороховых империй», взлетевших на миг к высотам могущества, но канувших в Лету, создавалась именно в сибирском горниле. Здесь формировался ресурс, который и позволил стране, не разоряясь в дым, содержать массовую профессиональную армию и «европейское» чиновничество, людей науки и искусства, строить города, «как в Европе», открывать университеты, «как в Европе». И много что другое.

Первое достигалось относительно легко и быстро. Достаточно купить или научиться делать современное (для той эпохи) оружие, нанять офицеров, которые смогли бы обучить владению этим оружием и новым принципам перестроения – и проблема решена. Особенно, если под рукой есть значительные массы людей, которых можно поставить в строй.

Речь Посполитая, Османская империя, да и империя Цин смогли создать такие – или похожие – армии. Только вот со вторым вышла проблема. Новая армия, в отличие от армии эпохи Средневековья, наемных дружин (кондот, батальи и т.д.) или ополчения, в мирное время не распускалась. Именно умение держать строй, четко и быстро перестраиваться, максимально быстро заряжать свое громоздкое и еще довольно неуклюжее оружие, вести залповый огонь (стрельбу плутонгами) делало эту армию непобедимой. А этому нужно было постоянно учиться. И все это время стране, решившей создать такую армию, нужно было кормить тысячи и тысячи молодых и сильных мужчин, строить для них жилье, покупать для армии дорогостоящее оружие, обмундирование и т. д. Европа для этих целей и придумала «экономику» с ее прибавочным продуктом и налогообложением. Пороховые империи тоже стремились содержать эту, постоянно требующую средств, махину «по-европейски» – увеличивая изъятия у населения, разоряя своих подданных и, в конце концов, свою страну. У России же была Сибирь с ее невероятными богатствами.

Да, здесь тоже не раз стремились «содрать с крестьянина три шкуры», только заканчивалось это не лучшим образом: ответом на попытки власти быть «европейской» становились крестьянские войны и массовое бегство населения на юг и на восток. Богатства Сибири (изначально – пушнина и моржовые клыки; после них – серебро, золото, алмазы и многое другое) позволили стране содержать войско и при этом не разориться, не взорваться в огне войны всех против всех. Во всяком случае, долго позволяли.

Почему же это движение встреч солнцу, его герои и антигерои, его битвы и завоевания, победы и поражения оказались в тени, не вошли в тело Большой (имперской) истории России? Думаю, что здесь была веская причина, и не одна. Важнейшая из причин – поворот к Западу. Начиная, вероятно, с правления Ивана III, Московское царство стремилось в Европу. Очень быстро из самой западной державы Востока (впрочем, здесь Литва, тоже входящая в пространство держав-наследников Чингиз-хана, могла бы поспорить) Московское царство превратилось (стало воспринимать себя) в самую восточную державу Европы. В первой геополитической доктрине Московского царства («Сказания о князьях Владимирских») эта мысль выражена совершенно отчетливо: Москва – прямая наследница величия Римской империи. Причем, в отличие от «изменившего» латинства, наследница истинная. Отсюда и новый титул правителя – царь, идущий, конечно, от римского имени-титула Цезарь. Правда, царем на Руси

прежде именовали Великого хана Золотой Орды («злой царь Узбек», «добрый царь Джанибек» из русских летописей). Но в стране, именуемой теперь «Третьим Римом», об этой мелочи старательно и быстро забыли.

Вполне понятно, что «затылком» увидеть Сибирь было сложно. Потому и политика русских царей на Востоке часто была, мягко говоря, странной. Точнее, странной она виделась из Азии. Из Москвы же она была вполне рациональной – хозяйственной, а точнее – колониальной. Из «ниоткуда» поступали ценнейшие продукты, которыми можно было торговать с Европой – покупать ружья, пушки, офицеров. И хорошо, что средства поступали. Оттуда же при минимальных усилиях и затратах из государственной казны, шли пошлины, таможенные сборы и прочие доходы. Весь интерес государя и государевых людей долгие десятилетия и столетия состоял исключительно в том, чтобы «сибирская казна» пополнялась, давала больше дохода.

Это и составляло главную заботу государевых людей, направляемых из стольного града за «Каменный пояс», за Урал. За нее, за казну, государевы люди (приказчики и воеводы) держали ответ перед государем. Все иное особого интереса у московских властей не вызывало. Потому и в отчеты оно попадало крайне редко. И, понятное дело, что не попадали в отчеты контрабанда, взятки, действия «охотчих» – да и служилых – людей, идущие не вполне в соответствии с целями царской казны и таможенных платежей. Не попадали приключения и авантюры. Не попадала живая жизнь.

Поскольку же именно воеводские документы и данные таможен служат основными свидетельствами русской истории в Азии, выходила она не особенно интересной и, в основном, хозяйственной. Редкие записки путешественников тоже ясности в общую картину не вносили и яркости не добавляли – так, довольно сумбурные этнографические заметки. Даже более поздние исторические труды XVIII столетия ориентировались на сказания и мифы коренных сибирских народов или случайный набор воеводских документов, стремясь реконструировать по ним реальные события.

То, что богатства эти появлялись не сами по себе, оставалось за пределами Большой истории. Как и люди – сильные, жесткие, часто жестокие, которые смогли выжить здесь, сделать это гигантское пространство русским. Люди, которые смогли стать большими сибиряками, чем сибирские народы, большими степняками, чем сами степняки. Причина понятна: эти люди были в минимальной степени людьми государевыми. На одного государева человека – «поверстанного» казака, пашенного крестьянина, приказчика или воеводу – приходились десятки «людей незнаемых». Бобыли, подказачники, покрученники, вольные охотники, промышленники и великое множество других категорий, не учитываемых или почти не учитываемых в воеводских списках, уйдя от поместной неволи на новые земли, покоряли Сибирь. Но из столлиц виделось иное. Десятки, в крайнем случае, сотни казаков присоединяли просторы с «ясачными людьми». Последние же едва ли не сами несли этим «казачкам» сверхценные меха. Вот меха и «рыбий зуб» – это важно. А остальное – не особенно. *о о легко*

Конечно, обо всех героях и всех приключениях и перипетиях этой небывалой эпохи одинаково подробно рассказать трудно. Я выбрал один крайне важный, богатый на события эпизод – . Почему? По нескольким причинам. **рождение русского Приамурья**

Во-первых, я здесь живу. В силу такого случайного обстоятельства именно эта земля мне наиболее дорога. Но есть и «во-вторых». Если в большей части Сибири русские землепроходцы искали и находили «Новую Мангазею», место для промыслов, то на Амуре они искали и нашли Беловодье, град Китеж – место для жизни. Здесь простирались гигантские пространства целинных земель, где могла вызреть не только рожь, но более привычная пшеница. На степном разнотравье могли пастись тучные стада. Да и морозы здесь были совсем не сибирские.

Есть и «в-третьих». Даже тогда, когда полная история Русской Сибири будет написана не как «региональная», местная история, но важнейшая часть Большой истории, Русское Приамурье окажется в особом положении. Оно – безусловная часть русской истории. И в то же

время невозможно понять события в Приамурье, если не учитывать, что в этом пространстве волей судьбы сошлись не просто отряды вооруженных или не очень вооруженных людей, а разные цивилизации.

Русская цивилизация, воспринимающая себя как часть цивилизации европейской, в этом мировом переходе столкнулась в Великом мире кочевников, Монгольском мире, многовековым миром Поднебесной империи, где смена династий не особенно влияла на течение Небесного порядка. Нельзя не вспомнить и о совсем забытом мире тунгусских народов, которым в Большой истории, как правило, отказывалось в наличии политики и многого другого. Для них оставалась только этнография, воплощенная в узорах на коже или дереве, в ритуальных праздниках, легендах, но никак не в политических союзах и интересах.

Сами события рождения Русского Приамурья, о которых пойдет речь далее, останутся непонятными и случайными, если не включать их в контекст политической борьбы в столице Московского (Российского) царства XVII века, не держать в голове перипетий военных столкновений в Восточной Европе той эпохи. Многое останется непонятным, если не учитывать существовавших в то время хозяйственных связей Европы и Северной Америки. Трудно что-либо понять в становлении Русского Приамурья, не принимая в рассмотрение сложную и конфликтную историю взаимодействия и взаимопроникновения монгольских, тюркских и тунгусских народов. И совершенно ничего нельзя будет понять в судьбе Русского Приамурья, если не всматриваться в нюансы внешней и внутренней политики новой (на тот момент) династии Цин. Если забыть о сражениях, которые вели армии этой династии в южной части Поднебесной, о битвах, которые они планировали на Западе и Юго-Западе. Многое останется непонятным, если не брать в расчет придворные баталии тех лет, происходящие в Северной столице, не знать о тесных родственных связях маньчжуров (которые и создали новую династию) и народов Приамурья.

Уникально и почти забытое, приведшее к рождению Русского Приамурья. Здесь, в мире за озером Байкал, в мире Великой реки Амур, в течение сорока лет происходили битвы и осады, походы и отступления, по масштабам сопоставимые с величайшими сражениями Европы тех лет. Впервые после краха Золотой Орды Россия (точнее, русские отряды) вторглась (не вполне по своей воле) в Приамурье – в пространство великих азиатских держав и их данников, сошедшихся в яростной схватке не на жизнь, а на смерть. Именно в Приамурье, точнее, в мире вокруг Байкала, ярче всего оказывалась видна не история Центральной или Восточной Азии, а единое пространство Большой Истории, где события на одном конце континента вдруг оказываются значимыми на другом. Приамурье было и остается до сих пор гигантским фронтиром, не столько разделяющим, сколько связывающим самые разные цивилизации. *событие*

Сразу оговорю жанр моего повествования. Я не пишу и не собираюсь писать научный труд. Это, безусловно, важное дело, но чтобы им заняться, есть замечательные люди – историки. Я – не историк. Моя задача и скромнее, и амбициознее: я хочу рассказать о людях, известных и не очень. О тех, чьи памятники стоят в городах и о тех, о ком рассуждают только узкие специалисты в сноски к статьям на более серьезные темы. Рассказать о земле, находящейся на перекрестье десятков культур, но остающейся при этом уникальной, единственной в своем роде – о Приамурье. И рассказать обо всем этом я хочу не столько узкому сословию специалистов по истории Дальнего Востока или замечательным людям – краоведам, сколько всем моим землякам, живущим на этой земле, всем моим уважаемым (и это не фигура речи) читателям, пожелавшим услышать рассказ о нашем мире – Мире Великой Реки.

Глава 1.

Краткое содержание последующих серий или некоторые необходимые пояснения (взгляд с востока)

О чем же, собственно, пойдет речь? О каких людях? О каких событиях? Не вдаваясь в подробности (подробностям будет посвящено все дальнейшее повествование), обозначу границы рассказа. Опишу те силы, которые выталкивали русских людей в Приамурье или затащивали их туда, те силы, что противостояли им. Ведь «пустой» эта земля была только в воеводских скасках, картах из Европы до конца XVIII века, да в современных школьных учебниках и популярной литературе. Без хотя бы некоторого представления о пространстве вокруг Приамурья того времени (причем, прежде всего азиатском пространстве), понять действия и судьбу первопроходцев довольно трудно. Для того, чтобы потом не отвлекаться от повествования, попробуем сразу это представление ввести или хотя бы обозначить. Итак, наш рассказ будет о сорокалетней войне за Амур.

История войны начинается с похода, предпринятого отрядом русских людей из Якутска и Илимска в Приамурье. Несколько сражений с даурами и дючерами, которые хоть и не знали огненного боя, но обладали вполне себе сильным и многочисленным конным войском, сделали русских господствующей силой в верхнем течении Великой реки. Точнее, наверное, будет сказать, что отряд Хабарова оказался тем джокером, который радикально изменил соотношение сил в Приамурье.

Первым же большим событием, зафиксированным историей, стало сражение у Ачанского острога, в центральной части современного Хабаровского края. В 1652 году в земле племени ачан близ озера Болонь произошел первый бой между отрядом русских охотчих и служилых людей с приказным (командиром) Ерофеем Павловым сыном Святицким (Хабаровым) и дозорным маньчжурским отрядом из северной крепости Нингута (располагалась на территории современного китайского города Мудандзянь). Каждая из сторон искренне защищала «свою землю» от «захватчиков».

Этими событиями было положено начало десятилетиям противостояния русских служилых и охотчих людей и войск северной крепости империи Цин (маньчжурской династии, захватившей в 1644 году власть в Китае). Об этой династии – главном противнике русских отрядов в Приамурье, да, наверное, самой могущественной державе в Азии – стоит рассказать подробнее.

Расширение империи Цин в XVII – XVIII вв.

Отнюдь не «гибнущая цивилизация» в союзе с «дикарями», вооруженными каменными топорами и костяными стрелами, противостояла здесь первопроходцам. Собственно, таких «дикарей» в Сибири было не особенно много. К примеру, якуты делали доспехи («якутский куяк»), иметь которые почитали за счастье сами первопроходцы, и не только они. Вот только с огненным боем у них не сложилось. Маньчжуры же знали и этот тип сражения.

Маньчжуры – самоназвание части чжурчженьских племен, некогда проживавших в бассейне реки Амур, в современном Приморском крае и на прилегающих к ним с юга землях вплоть до Ляодунского полуострова. По легенде, маньчжуры (как и монголы) вели свой род от корня Небесного хана (Чингиз-хана). Исходя из этого, несколько позже маньчжуры претендовали на власть над всей Великой степью до Каспия. Впрочем, это была традиционная форма преемственности среди великих степных народов (к примеру, тюрки эпохи каганата тоже считали родство от последнего выжившего мальчика-гунна).

В предшествующий период разрозненные чжурчженьские племена, крупнейшим из которых было племя «маньчжоу», подчинялись китайской империи Мин, мало чем отличаясь

от любых других северных данников империи. Правда, они обладали автономией, а их правитель имел титул китайского князя (вана), в память о времени, когда их предки, чжурчжэни, правили Поднебесной. Но в течение нескольких десятилетий, начиная с 1616 года, маньчжурский вождь Нурхацци из рода Айсин Гёро смог объединить под своей властью «семьдесят городов» на территории, которую позже и назовут Маньчжурией. В 1621 году он объявляет себя Великим ханом и приступает к захвату Китая. В 1644 году северная часть бывшей империи Мин была захвачена маньчжурами, а сам вождь маньчжуров принимает титул императора новой династии Цин (Золотая), получает «Небесный мандат». И хотя полное овладение территорией бывших владык Востока завершилось только к 1662 году, появление новой могущественной державы в Восточной Азии уже с середины столетия стало фактом.

Маньчжуры смогли создать мощную военно-административную организацию, названную «восьмизнаменной армией», умудрившись привлечь в нее тех китайцев, которые были знакомы с «огненным боем». Привлекали китайцев и в управление, хотя и не на высшие должности. Впрочем, свою роль в победах маньчжуров сыграли и жестокие поражения, понесенные предшествующей династией Мин от западных соседей, ойратов, восстаний крестьян. Но все же главная сила маньчжуров (по крайней мере, в годы их стремительного взлета к вершинам могущества) состояла в их способности находить союзников и учиться у них. Они активно взаимодействуют с монголами и даурами, с дючерами и корейцами, со всеми окружающими их народами. Причем, далеко не всегда конфликтно.

Особенно отличался этим один из потомков Нурхацци – Суанье, известный в русской традиции как «император Канси».

У монголов он заимствует стремительную конницу; у китайцев берет систему налогообложения и управления. При этом учится и на ошибках, снижая по приходу к власти налоги, по возможности искореняя мздоимство. Не случайно большая часть китайцев воспринимала императора маньчжуров не как захватчика, а как освободителя и защитника. У европейцев он научился строить гидротехнические сооружения, что позволило вдвое повысить урожайность в ключевом районе Китая – междуречье рек Янцзы и Хуанхэ. При нем строится флот. По европейскому образцу создаются подразделения, вооруженные мушкетами, артиллерия. Постепенно почти случайно возникшая держава «северных варваров» обретает подлинное могущество, оттесняя остатки бывшей империи Мин к острову Тайвань.

Когда речь идет об императорском Китае (империи Цин), часто представляется отсталое, раздираемое внутренними противоречиями политическое образование, разоренное бесконечными войнами, терпящее поражения от всех соседей, с постоянными восстаниями провинциальных властителей и почти не боеспособной армией. Такой империя стала во второй половине XIX столетия. Но в XVII веке это – одна из самых могущественных держав в Азии и, наверное, одна из самых мощных держав в мире.

Маньчжурская империя усиливает давление на Индокитай, протягивает руки к Тибету, стремится установить протекторат над оставшимися монгольскими ханствами, контролирует корейское королевство Чосон. Европейские посланники и миссионеры обивают пороги императорского дворца, охотно выполняют церемонии признания себя данниками, пытаются установить торговые отношения или продать свои умения «лучезарному и сияющему» императору. С этим противником и пришлось столкнуться русским первопроходцам.

Правда, северные границы, бывшая родина маньчжуров, были отнюдь не приоритетным направлением политики державы Цин. Что там, в полупустынных районах с бедными и немногочисленными по меркам Поднебесной, городами, может быть интересного? Особенно для того, кому уже подвластны бескрайние земли Серединной империи. Меха? Так достаточно собрать совсем немного серебра и железа, тканей и чая, чтобы местные народы наперегонки побежали эти самые меха предлагать. Став владыкой Китая, маньчжурский император перенимает и имперское отношение к северным народам.

Впрочем, одна задача, традиционная для властителей Китая на Севере, была: нужно как-то не пустить туда подданных, китайцев. При всем величии «каменных городов» Серединной империи, для низших слоев населения (на которых ложился еще гнет чужеземных войск) жизнь в диких «варварских» землях была намного привольнее и легче, чем дома. И бежали туда из процветающей империи во все эпохи. Бежали до монголов, при монголах и после них. Бежали при «национальной династии Мин» и после свержения ее маньчжурами. Говорят, что именно с целью удержать подданных, а совсем не для защиты от варваров первый император Китая Ши Хуанди построил Великую китайскую стену. Новая династия пошла по этому пути.

Земли, примыкающие к завоеванной стране с Севера, были объявлены «священным уделом» правящего рода Айсин Гёро, из которого происходили императоры. Китайцам, не входящим в состав армии, посещать эти земли было категорически запрещено. Правда, военные китайцы официально считались маньчжурами. А чтобы у прочих подданных не возникло искушения, вдоль границы был построен «ивовый палисад» – система укреплений и фортов общей протяженностью около тысячи километров. На вершине валов высаживались ивовые деревья, которые со временем, сплетаясь, превращались в стену. Самой северной крепостью в этой линии была крепость Нингута, стоящая на реке Хурха, притоке Сунгари (современный Мудандзян). Это была основная база империи Цин на северо-востоке, с многочисленным гарнизоном, вооруженным мушкетами и пушками. Правда, большинство воинов были не бойцами великой «восьмизнаменной» армии, а солдатами «алого и зеленого знамени» (союзники и данники). Да и вооружение было не самым новым. Но и эта сила была изрядной.

Однако крепость эта «смотрела» главным образом не на Север, а на Юг. В северном направлении небольшими соединениями совершались лишь нечастые рейды, для установления «правильного порядка» в маньчжурском доме. Совершались и карательные экспедиции, если жители тех мест неожиданно изъявляли непокорность власти Великого владыки и Сына Неба. Такой поход был предпринят из Нингуты за несколько лет до появления на Амуре русских.

Еще в 20-х годах XVII века основное население Приамурья признало главенство маньчжурского вана. Собственно, маньчжуры на первом этапе вполне довольствовались формальным признанием верховенства и необременительной данью. Главные же народы Приамурья (дауры и дючеры) продолжали жить своей жизнью. Дауры – монголоязычный народ с существенной «примесью» эвенкийских кровей – в отличие от большей части народов монгольского мира были не скотоводами, а земледельцами. Природные условия Приамурья и образующих Амур рек Шилки и Аргуни позволяли на недавно расчищенных «залежных» землях получать достаточно высокие урожаи.

Совсем оседлыми их назвать трудно. На одном месте пахать можно было только несколько лет, а потом приходилось расчищать новую пашню. Да и скотина лишь частично содержалась в загонах, а частью оставалась на отгонных пастбищах. Жили они в деревянных городах, окруженных земляными валами и частоколом с оборудованными местами для лучников. В таких городах проживало по 300—400 человек (70—80 домов). За стенами ставили деревянные избы, строили загоны для скота, ямы для зерна и иных припасов. Окна заклеивали промасленной бумагой, на зиму закрывали ставнями. Кроме земледелия и огородничества занимались скотоводством, плавилы металлы, изготавливали ткани. На пушного зверя охотились, в основном, для выплаты дани маньчжурам и на обмен. За пушнину из «Богдойской земли» получали они серебро, чай, ткани и многое другое. Ходили в дорогих шелковых рубашках. Женщины пользовались серебряными украшениями. Все это было невероятным богатством в сравнении с той добычей (меха, «рыбий зуб»), которую давали иные русские данники в Сибири.

Воевали дауры в конном строю. Воины имели пластинчатый (ламинарный) доспех, сходный с куяками якутов. Вооружены они были луками и копьями. Кстати, луки их по дальности

бойности вполне могли конкурировать с ружьями, а по скорострельности превосходили их во много раз. Мечи и сабли были у дауров редкостью. Не любили их дауры, как и ближнего боя с пешей схваткой. Сабли (как, кстати, и у русских в Сибири) были не столько оружием, сколько показателем статуса.

Единой политической структуры (государства) у приамурских людей не было. Несколько городищ, между которыми была достаточно тесная связь, составляли племя (хала, «княжество»). Каждое племя, включающее в себя несколько тысяч человек, самостоятельно вело и хозяйство, и политику. Таких племен («княжеств») современные этнографы насчитывают восемнадцать. Из них четырнадцать относились к «старым родам», монгольским. В остальных присутствовал эвенкийский элемент. Несмотря на отсутствие государства, связь между «князьками», племенными владыками (и родственная и сакральная) тоже вполне поддерживалась. Хотя вполне вероятной была ситуация, когда одна хала входила в объединение, противостоящее другой. Впрочем, существовали и межплеменные союзы, охватывающие несколько племен.

Сходным было и хозяйство дючеров, чжурчжэньского народа, не вошедшего в маньчжурское объединение. Дючеры это родство помнили и поддерживали. Значительное число дючеров служило в маньчжурской армии, участвовало в захвате Поднебесной империи. Наличие высоких покровителей делало дючеров, менее многочисленных, чем дауры, сильнейшим народом, господствующим в среднем и нижнем течении Амура, начинавшем распространять свое влияние западнее реки Зеи, естественной границы между даурами и дючерами. Местные тунгусские народности (бирары и некоторые другие) были вытеснены ими от берегов реки в предгорья Хингана, а гольды и гиляки обложены данью.

Возможно, поэтому часть даурских племен в союзе тунгусскими племенами бираров, манегров и солонов попыталась сбросить власть маньчжуров. Под предводительством вождя солонов Бомбогора восставшие укрепились в главном городе дауров Яксе, близ которого позже возник русский Албазинский острог, и более года отбивали натиск маньчжуров, пока не подошел крупный отряд из Нингуты.

Сильный экспедиционный корпус, опираясь на союзных дючеров и оставшиеся верными даурские племена, жестко наказал непокорных, обложив их более высокой данью. Вождь восставших, Бомбогор, был доставлен в столицу и там казнен. Сменился и состав вождей даурских племен: на место лидеров, поддержавших восстание, взошли их родственники, максимально лояльные южному соседу.

Победа далась без особого труда, ведь военное, численное и техническое могущество маньчжуров было на несколько порядков выше. А среди восставших с самого начала не было единства. Так, в самый напряженный момент восстания, племена, подчинявшиеся князьям Гуйгудару и Гантимуру, заявили о своей лояльности маньчжурам и откочевали в сторону. В результате двухтысячному корпусу карательной экспедиции противостояло менее одной тысячи бойцов из армии восставших. И опять на Севере наступила тишина, столь любезная Небесному порядку. Но тут так не ко времени появились лоча – русские. Непонятные люди, владеющие огненным боем, неистовые в схватке, но не ведающие ни о могуществе империи, ни о Небесном порядке.

Даурский воин

Как любое долгое военное противостояние, эта война распадается на несколько связанных между собой столкновений. За боем у Ачанского острога следует длительное противоборство русских отрядов под общим командованием Онуфрия Степанова Кузнеца и маньчжуров с союзными им племенами. Отряды Степанова в союзе с местной «антиманьчжурской коалицией» смогли разбить в междуречье Биры и Биджана ополчение дючеров. Правда, пробиться вверх по реке Сунгари за беглыми дючерами и даурами, которых маньчжуры решают переселить «внутрь» империи, Степанову не удастся. Маньчжурский заслон отбрасывает его казаков

на Амур. Но ответный натиск маньчжурского экспедиционного корпуса у Кумарского острога (возле современного города Хумар, КНР) русские отбивают. Этот эпизод – одно из немногих событий в Приамурье, сохранившихся в народной памяти: песня о сражении у Кумарского острога («») встречалась еще в XIX столетии. *Во сибирской во уkraine, во даурской стороне...*

Однако, в конце концов, в 1658 году Степанов совершает ошибку – разделяет «хабарово войско» и попадает в засаду, в которой гибнет с большей частью своих бойцов. Остатки русского отряда во главе с племянником Хабарова Артемием Петриловским и сотником Петром Бекетовым покидают Амур.

Вытеснив русских служилых людей, маньчжуры возвращаются в Нингутскую крепость, оставляя эти земли собственной судьбе. В отличие от них, русские от «даурския землицы» отказываться не спешили – для русских переселенцев эта земля была невероятно привлекательной (много больше, чем даже для далекого московского правительства), а для империи Цин она значила совсем немного – хватало маньчжурам других забот.

Эпоха Канси, несмотря на наименование (), была хотя и ярким, но непростым временем в истории династии Цин. Завоевание Китая (собственно, где-то треть его современной территории) еще только завершалось. Юг страны продолжали удерживать полководцы свергнутой династии Мин. Напряженная борьба внутри верхушки маньчжурского общества (известная в истории Китая как «война регентов», в результате которой и пришел к власти молодой император), длилась более десяти лет. Пришельцы (новые власти) только начинали осознавать себя хозяевами Китая. *процветающее и лучезарное*

Вместе с тем назревало столкновение с кошмаром предшествующей династии (империи Мин) – огромной и агрессивной центральноазиатской державой, Джунгарским ханством ойратов. Возникнув на рубеже XVI и XVII веков, к рассматриваемому периоду оно простиралось от Бухары и Казахской Степи до Байкала и Тибета. Данники ойратов, енисейские киргизы, телеуты и другие народы жили на Иртыше и Ишиме, по Енисею и в южном Прибайкалье в Минусинской котловине.

Империя Цин (маньчжурская) и Джунгарское ханство в XVII веке

Один из самых могущественных джунгарских правителей Галдан-Бошогту-хан претендовал на власть над всеми «» от Волги до Монголии. Монгольские ханы, особенно подданные Алтын-хана из Халх-Монголии, без особой радости отнеслись к новому Чингиз-хану, но потерпели поражение от ойратов. Тогда они обратились за помощью к маньчжурам, признав их власть. *народами, натягивающими лук*

В числе обратившихся были и дауры, тесно связанные с монгольским миром. Так возникает первая зона конфликта между двумя сильнейшими державами Азии – Халх-Монголия. Потому и важна была для маньчжуров покорность Приамурья, что совсем рядом с ним находилась возможная зона надвигающейся войны. Вторая зона конфликта возникла в Тибете, который тоже контролировали ойраты (Хошутское ханство, родственное и союзное Джунгарскому ханству). Но на власть здесь претендовали и владыки маньчжуров. Готовясь к большой войне (малые войны не прекращались с 70-х годов XVII века), которая и разразилась почти сразу после заключения мирного договора с Россией (в 1690 году), маньчжуры стремились обезопасить себя с Севера.

Глава 2.

Краткое содержание последующих серий, или некоторые необходимые пояснения (взгляд с запада)

Для русских Приамурье имело вполне земной интерес. Причем, для «» и для русского населения тех мест интерес не совсем совпадающий. Для Московского царства () смысла претендовать на эти земли было два. Первый – традиционный: новый район добычи ценных мехов. Пусть не самый богатый, но обширный. А «мягкая рухлядь» – мех лисиц, белок и, главное, соболей – важнейшее дело в Московском царстве, да и ранее на Руси. *государства Русского государства*

Об истории русской «мягкой рухляди» и ее значении в политической судьбе страны написано немало. В каких-то исследованиях «мягкая рухлядь» рассматривается как вариант «сырьевого проклятия», которое и составляло главное богатство России («нефть и газ» XV – XVII веков). Другие говорят о существенно более скромном значении шкурок пушного зверя в общих доходах казны. Наверное, можно согласиться и с теми, и с другими. Действительно, если обратиться к документам той эпохи, то лидерами вывоза (экспорта) окажутся не меха, а сало, кожи и поташ. Да и если сравнить данные, приводимые первым исследователем финансов Московского царства, английским послом Джайлсом Флетчером, то доходы «Сибири» ненамного превышают доходы Нижнего Новгорода, крупнейшего хозяйственного центра европейской России.

Однако стоит понимать, что структура бюджета Московского царства довольно мало напоминает не только современные бюджеты, но и бюджет Британского королевства того времени. Большая часть сибирских мехов не покупалась, а забиралась в казну (ясак, воеводские поминки, таможенная десятина и т.д.). Потом эти меха обменивались казной на продукцию приезжающих иноземных купцов в Архангельске, Астрахани и некоторых других городах, опять же, минуя денежную форму. Часть этой продукции продавалась, принося доход, но по совершенно иным «статьям» (в том числе на Нижегородских ярмарках), часть – оружие, порох, серебро, драгоценные камни – непосредственно поступала в казну. Некоторые авторы говорят о доходе в 500 000 рублей, что составляло в том далеком столетии от четверти до трети всех доходов царства. Не возьмусь защищать или опровергать эту цифру, но стоит согласиться, что доходы от торговли «мягкой рухлядью» из Сибири были крайне значительны. Но было в «сибирской казне» нечто особенно важное, делающее ее самой значимой или одной из самых значимых частей царских доходов.

Все остальные доходы нужно было собирать с русского населения. Нужны были мытари и стражники, чтобы все это выбивать из трудовой массы. Их содержание тоже было совсем не дешевым. Казалось бы, и что? Так поступали все европейские – да и не только европейские – владыки. Однако последствия такого изъятия на бескрайних просторах Северной Евразии оказывались далеко не такими радужными, как хотелось бы. Европейский крестьянин, ремесленник или купец жил в условиях, когда бежать от власти ему было особенно некуда. Разве только в пиратский Алжир или гостеприимную Турцию, охотно принимающую у себя европейских ренегатов. Но и Турция принимала у себя далеко не всех. Оборотистый купец, лихой воин или умелый ремесленник там благоденствовали, а вот крестьяне или подмастерья, скорее, попадали гребцами на галеры или рабочими на рудники, что не особенно радовало. В силу этого обстоятельства с изъятием, сопровождающимся подавляющей силой, приходилось соглашаться. Или воевать, отстаивая «старые добрые обычаи». Но это в Европе с зарождающейся «городской экономикой». В тех же странах, где экономика оставалась крестьянской (например, в Турции

или Речи Посполитой), постоянные поборы на нужды войны, содержание армии сборщиков податей вели к обнищанию масс и, в конечном итоге, к деградации империи.

На Руси кроме подчинения и бунта существовал третий способ противодействия властному давлению, резко возросшему в стремительно усиливающемся Московском государстве – бегство, уход. В отличие от Европы, да и от Китая, воля начиналась здесь сразу за околицей и тянулась до последних пределов. При усилении давления люди просто уходили.

Власть стремится увеличить армию, раздавая владения с крестьянами, обязанными кормить ратных людей, все новым и новым воинам. И... крестьяне начинают бежать. В описаниях того времени говорится, что из ста дворов от двадцати до сорока были брошены. Земли не распахивались, ратные люди не могли выехать снаряженными в поле. Конечно, контролировать можно и здесь. Этот путь тоже опробован; и не только в России. Однако вот в условиях огромных просторов и относительно редкого (даже в европейской части) населения для организации такого контроля нужно затратить намного больше, чем даже теоретически можно получить. Невыгодной в России оказывалось «правильная организация хозяйства».

Гигантские земли за «Каменным поясом», как выразился Иван IV в своей грамоте, есть «». Оттуда богатство приходит как бы само собой. Его не надо отбирать. По крайней мере, его не надо отбирать «у своих». Это же не Россия, а Сибирь. Не случайно первым «министерством», в чьем ведении были сибирские земли, был Посольский приказ. Лишь во второй половине XVI века Сибирь передана в Приказ Казанского дворца, а в XVII столетии – в отдельный Сибирский приказ. Причем, богатство этой земли принадлежит только власти (государственная монополия). Она его и распределяет так, как ей нужно: по чину и государевой надобности. А нужно было очень. *незнаемые земли*

Дело в том, что обернувшаяся к Европе Россия очень скоро обнаружила там для себя серьезную проблему, новый тип войск – регулярную армию, вооруженную огнестрельным оружием. И в прежние времена в европейских армиях использовались толпы наемников или ополченцев, вооруженных как попало, в том числе и огнестрелом. Но все же считалось, что судьбу сражения решает удар рыцарской конницы, опрокидывающий любые пешие толпы. Толпы? Да, опрокидывал. Но им на смену приходит строй. Созданные испанским полководцем Гонсало де Кордова стали прообразом всех боевых построений Европы Нового времени. *терсии*

Он умудрился не просто соединить вооруженные пиками и мушкетами отряды в одно целое, способное противостоять ударам рыцарской кавалерии, но и научил своих воинов, используя медленно заряжающийся мушкет, создавать столь плотный вал огня, что рыцари не могли к ним даже приблизиться. Из множества стрелков конструировался некий живой аналог позднейшего пулемета. Но для того, чтобы такой «пулемет» работал, солдаты должны уметь быстро и четко перестраиваться, быстро перезаряжать свое неуклюжее орудие – то есть, быть солдатами все время, а не на случай военной угрозы. Новые войска оказались сильнее поместного ополчения, воевавшего каждый поодиночке, а сила пушек и мушкетов легко ломала индивидуальное воинское искусство профессионалов-рыцарей.

Так непобедимые мамлюки, профессиональные воины из Египта, разгромившие крестоносцев, устоявшие перед натиском монголов, были играючи побеждены османским султаном Селимом с помощью пушек. Некогда монголы принесли на Русь мощнейшее оружие – монгольский лук, превосходящий все европейские аналоги, включая знаменитый английский. Теперь для того, чтобы не просто «вернуться к Европе», но стать Европой, не просителем, но могучей страной, Руси необходимы были регулярные войска, вооруженные огнестрельным оружием.

Огненный бой на Руси знали. Уже в XIV веке использовали «тюфяки» (пушки), но вот плотность и эффективность такой стрельбы была очень невысокой. Только грома много. Поместное ополчение, основа русского войска того времени, для этого не годилось. Даже

будучи вооруженными пищалями и пистолями, дворянские воины и боевые холопы стреляли медленно, залпового огня не выходило. Иван Грозный создает такие войска – стрельцов.

Но содержание стрельцов, число которых постоянно возрастало (со скромных 3000 человек при Иване IV до 55 000 в конце XVII века), требовало все новые и новые средства. Не случайно именно из деревенок, приписанных к Стрелецкой избе (Стрелецкому приказу), крестьяне бежали наиболее массово.

Куда лучше в этом отношении были доходы «сибирской казны», которые ни бегства, ни бунтов не вызывают. А если и вызывают, то это проблемы сибирских воевод, а совсем не царские. И если покорение Сибирского ханства (Тюменского Юрта), части распавшейся Золотой Орды, было еще политическим предприятием, то дальнейшее движение на Восток представляло собой для власти почти чистый бизнес-проект. Причем, проект, требующий постоянного приращения территорий, «объясаченных» народов и т. д. За это строго спрашивали с сибирских воевод.

Но где-то во второй половине XVI – начале XVII века у столичного начальства появляется и «второе», новый интерес. Причем, не к Сибири вообще, а именно к ее южным районам, в том числе к Приамурью, о котором, правда, почти не знали. Причина интереса в том, что цены на меха в Европе (главным образом, на Лейпцигской ярмарке, специализирующейся на мехах) снизились. У русских мехов появился конкурент – меха из Нового Света.

Если Южная Америка поставляла в Европу корабли с серебром и золотом, то из северной ее части в XVII веке везли меха. Цены на меха (за исключением соболя, который не водился в Америке) на европейских рынках падали. А ведь именно на меха и «рыбью кость» царская казна выменивала такие важные для страны пищащи, пушки и многое другое. Зато продолжали расти цены на товары из Индии и Китая. Венеция и Лиссабон, Амстердам и Лондон жестко конкурировали за возможность поставлять пряности, чай, шелк, фарфор, аптекарские товары и прочую дорогостоящую экзотику в Европу. Идея приобщиться к этой торговле возникает и в Московском царстве.

В известном смысле, идея эта была подсказана русскому монарху английскими купцами из знаменитой «Московской компании», пытавшимися получить разрешение на организацию экспедиции в Китай через территорию России. Разрешение дано не было, а вот экспедиция из Тобольска отправлена была. До Китая ее участники не добрались, но у местных народов они разузнали пути в Серединную империю.

По возвращении первой экспедиции уже из Томска была отправлена следующая, во главе с десятником Иваном Петлиным. На этот раз ее участники смогли добраться через Монголию до Китая и даже получить официальное разрешение на торговлю.

Однако разрешение было дано на путунхуа (на китайском языке) и написано иероглифами (та самая «Китайская грамота», которую невозможно прочесть), потому прочтено не было. Идея установления прямых торговых контактов с Китаем постепенно завладевала сибирскими воеводами, а через них и столичным правительством. Причем, идея вполне хозяйственная: дешево купить баснословно дорогие в Европе китайские товары и восполнить ими падающие доходы от торговли мехами.

Тот факт, что в 1644 году власть в Китае захватывает маньчжурская династия, ускользает от внимания русских властей не только в далекой Москве, но и в Тобольске и Томске. Даже в более поздних чертежах «», относящихся к 50-60-м годам XVII века, за землями дауров лежит «» (маньчжуры), а за ней, собственно, Китай. Маньчжуры же долгое время воспринимаются как одно из туземных племен, не более чем. Найти путь в Китай и хотели властные люди, отправляя первые экспедиции в Приамурье. Именно этот наказ «» получают от Якутского воеводы письменный голова Еналей Бухтеяров и следующий за ним Василий Поярков. Правда, ни первый, ни второй по разным причинам с задачей не справились, но именно их рассказы

(скаски) дали дополнительный импульс для невластного движения на Амур. *даурские землицы страна Богдойская (страна князя Богдоа) проведать путь в Китайское царство*

Выше я говорил, что, в отличие от перенаселенной Европы или Китая, усиление давления со стороны власти вызывало не столько бунт или подчинение, сколько третью реакцию – уход. На Севере, Юге и Востоке лежали пустые земли, без власти и ее мытарей. Но главным направлением «ухода» был не плодородный Юг (здесь властвовали кочевники, маловодье и непривычная жара), не пустынный Север, но Восток. Обилие пушного зверя и легкая охота в тайге, рыбалка в великих реках, да еще возможность вернуться с прибытком или осесть не просто так, а торговым человеком привлекали все больше людей за Каменный пояс и дальше, в те места, куда власть еще не добралась, где еще осталась воля.

Однако была проблема, которая добавляла в корчагу сибирского меда изрядную ложку дегтя. Имя ей – зерно. Зерна катастрофически не хватало. Южная хлебородная Сибирь пылала в нескончаемых войнах, где не только малые отряды переселенцев, но и царские войска терпели неудачи. Да и не особенно интересно было идти туда и вольным, и царским служилым людям – мехов там не было, а земля и в западной части страны стояла нераспаханная. В северных же землях Сибири, особенно за Енисейском, хлеб родился совсем плохо и не везде.

Неслучайно настолько отличается русская кухня по обе стороны Урала. Крупа и овощи с небольшой добавкой скоромного в разрешенные дни – с западной стороны, и рыбные и мясные блюда, строганина и свеженина с небольшой добавкой диких трав – с восточной. Из-за Урала и из немногих хлебных волостей Западной Сибири «хлебные сибирские отпуска» шли на Восток, в Восточно-Сибирские остроги. Шли они немногочисленным служилым людям. Охотчие же люди да прочие посадские должны были хлеб тот покупать по гораздо более высокой цене. Золотым тот хлеб выходил. Только другого почти не было. Конечно, воеводская власть держалась на силе, на далекой воле монарха. Но не в меньшей степени она основывалась на хлебной и на пороховой монополии.

На Амуре же и хлеб родился на зависть, и условия для выпаса скота имелись. Были здесь луга вольные, да и ценный пушной зверек нет-нет, а попадает. Вот и шли русские переселенцы в Приамурье. Причем, шли задолго до того, как пришел сюда отряд промышленного человека Ярко Хабарова. В принципе, поверстанные в том или ином остроге люди переселяться были не должны – разве только по воле начальства или договору между воеводами. Однако переселялись – или, как тогда говорили, бежали – вполне активно. Собирались в ватаги по несколько десятков, а то и сотен человек, да и шли, куда кривая выведет. Остановить их пытались. Только, как всегда в Сибири, труд этот был зря. Люди шли, селились, заводили пашни. Часто женились на местных женщинах (шли-то в Сибирь в основном мужики). За отсылку ясака в столицу или в разрядный город (местный центр власти) получали они, как правило, полное прощение всех грехов и новое поверстание. Потому и в воеводских списках один и тот же человек мог фигурировать как казак одного острога и пашенный крестьянин другого, а то и десятник третьего.

Когда служилые люди, собирающие ясак с местных жителей, покинули Приамурье, охотчие люди остались. О них упоминают в своих отписках окрестные воеводы, рассказывают коренные жители Приамурья в жалобах и русским, и маньчжурским властям. Жили вольно. Кто-то занимался земледелием, кто-то охотой или торговлей, а кто-то и разбойничал. На них-то и жаловались местные люди, и власти.

Ведь часто уходили в Приамурье и те, кто оказался не в ладах с воеводами. Так, бежали в 1665 году туда из Илимского воеводства казаки от государева гнева. Бежали, да прижились. Создали казачью вольницу с выборным атаманом во главе. Крепость восстановили Албазинскую, стали с местными инородцами торговлю торговать. За защиту и с русских поселенцев, и с туземцев брали мехами. За те меха, отосланные в Москву, получают они со временем полное прощение и поверстание в служилое сословие. Так снова на Амуре появляется власть.

Атамана сменяет приказчик-воевода. Вокруг Албазина строятся русские и инородческие деревеньки, заселяется земля.

Но такое положение не особенно устраивало южного соседа – империю Цин. В крепости Нингута и ближе расположенному к Амуру городку Гирин, формируется мощное соединение с собственной флотилией речных судов, многочисленной артиллерией. Из южных областей в крепость переводится отряд «восьмизнаменных» воинов. На Амуре строится база для обеспечения армии – крепость Айгун. От Сунгари к Зее начинается наступление маньчжуров. Первая осада крепости продолжалась недолго. Артиллерия маньчжуров просто сровняла хлипкие деревянные стены острога с землей, превратив в руины строения внутри крепости. Русские отступили к Нерчинску. Маньчжуры в преддверии холодного сезона тоже отходят на зимние квартиры.

Однако в этот момент к Нерчинску подходит приказ (полк), высланный при известии о начале боевых действий на Амуре. Их опоздание было связано с той же кампанией империи Цин по вытеснению русских из «запретных земель». По приказу императора Канси вассальные монгольские войска должны были совершить вторжение в Забайкалье и Прибайкалье. Но, в отличие от маньчжуров, монголы уже достаточно давно установили контакт с русскими. Причем, контакт этот был вполне выгодным для обеих сторон. Потому вместо массового вторжения имели место лишь несколько набегов. Один из них по воле судьбы пришелся на полк, идущий помогать осажденным албазинцам. Отражение набега и вызвало задержку.

На совещании полковника и воевод (нерчинского и албазинского) было решено возвращаться. И сила собралась немалая – почти тысяча ратных людей, полтора десятка пушек, пища, огромный запас пороха. Крепость восстановили, причем, по новейшей для того времени технологии – бастионами. Промежутки между деревянными стенами засыпали землей, чтобы не пробивали ядра, а сверху устроили огневые позиции. Собрали урожай, нетронутый маньчжурами. Стали вновь обживать. Но через год армия маньчжуров вновь подступила к стенам крепости. Правда, на этот раз удача была к ним совсем не так благосклонна. Крепость выдержала все штурмы. Почти два года длилась осада.

Тем временем подвластные маньчжурам монголы пытались штурмовать Селенгинский острог. Однако тоже безуспешно. Начинаются долгие переговоры, завершившиеся в 1689 году Нерчинским мирным договором. По договору Приамурье вновь опустело. Точнее, вновь оказалось без государевых приказчиков, голов, сборщиков ясака и других нужных в хозяйстве людей. Правда, возжеленный «» появился, и государев караван с гостями и товарами стал совершать постоянные вояжи от новой торговой слободы Кяхта до Китая и обратно, а китайские товары пополнили царскую казну. *путь в Китайское царство*

Каково же соотношение сил в этой войне, пренебрежительно именуемой «приграничными конфликтами»? Может быть, и вправду не стоит огород городить? Давайте попробуем посчитать. Начнем с маньчжуров. Благо они оставили множество документов о тех событиях.

Кроме относительно небольшого отряда в две-три тысячи воинов – собственно, «восьмизнаменной» армии, основной боевой силы маньчжуров – в войне были задействованы союзные с маньчжурами даурские и дючерские ополченцы, мобилизованные китайцы, корейские наемники, союзные отряды монгольской конницы. По разным источникам, в войне, на ее самом напряженном «албазинском» этапе, с маньчжурской стороны было задействовано в общей сложности от пятнадцати до двадцати тысяч воинов.

Численность русских отрядов и их союзников из числа местных тунгусских (эвенкийских) народов, традиционных противников и дауров, и дючеров, определить гораздо труднее. Официально фигурировала только численность служилых людей, которых на Амуре было совсем немного. Самый многочисленный отряд не превышал тысячи человек. В ряде сражений были задействованы силы, находящиеся в Забайкалье (Нерчинский острог, Селенгинский острог и др.). Подходили подкрепления из Енисейска и Тобольска. Но и их были только

сотни. Сколько было союзников-тунгусов, включая нукеров знаменитого князя Гантимура, маньчжурского «князя Курбского», о котором мы обязательно поговорим в свое время, сказать трудно. Говорят о полке пятисотенного состава. Но это опять же официально принятые на службу люди, получающие жалование от казны, купившие у казны оружие. Главное же, нигде не отмечается число подказначников, казачьих детей и иных ратников, в служилое сословие не поверстанных, «охотчих» промышленных и торговых людей, крестьян, пахавших свою (собинную) пашню, тех, кто просто жил на этой земле и защищал свои дома. Сколько их было, сейчас сказать невозможно. Однако можно предположить, что немало. Известно, к примеру, что отряд Хабарова, кроме семидесяти человек, которым с воеводских щедрот выдали пищали и порох, включал в себя и тех, кто пристал к отряду по дороге, возвращаясь с охоты или иного промысла. А кто-то из поселенцев воевал и против Хабарова и его преемников на стороне даурских племен.

В немирных сибирских землях «охотчие» и посадские люди по боевой выучке, умению сражаться не особенно уступали служилым, да и вооружены были часто не хуже. Показательно, что, продвигаясь на Амур, отряд Никифора Черниговского, как было принято в то время, «озоровал» – проще говоря, грабил всех встречных, отбирая то, что может понадобится на новом месте. Так вот, некий «пашенный крестьянин» в жалобе пишет, что отобрали у него всего великое множество (прилагается список), в том числе три пищали. В условиях вражеского нападения защищали крепость такие землепашцы и промысловики вместе с ратными людьми. Разве только в отличие от них ясак не собирали, да хлеб из государева амбара не получали. Наличие таких не ратных, но вполне боевых людей и приводит к постоянной путанице с численностью русских отрядов. И, увы, полностью достоверных цифр мы здесь не получим. Однако, очень приблизительно подсчитать силы можно попробовать.

По тому, что служилые люди в Приамурье землю не пахали, скотину не держали, однако на голод жаловались нечасто и исключительно в отписках якутскому воеводе (что было принятым стилем, а не описанием ситуации), можно предположить, что «кормильцев», обеспечивающих их, было, по крайней мере, в несколько раз больше, чем служилых. Некоторые авторы говорят о 1,5 тысячах семей пашенных крестьян на Амуре в 1655 году, что при стандартной численности для того времени 5 человек на семью дает более 7 тысяч человек «кормящего сословия». И все же русских сил было намного меньше, чем их противников. Об этом говорят не только русские, но и китайские источники, переведенные сегодня на русский язык. Вряд ли в двадцать-тридцать раз, как выходит из официальных документов, но меньше. Будем ориентироваться на то, что полутора-двум десяткам тысяч бойцов «маньчжурской коалиции» противостояли 3—4 тысячи русских ратников и их союзников.

Однако, оценивая силу сторон, стоит учесть еще три обстоятельства. Первое – вооружение. В эпоху Смуты, при приглашении на русский престол польского королевича Владислава было закуплено несколько десятков тысяч кремневых ружей с более совершенным ружейным механизмом. Но привычка – великая сила. Стрельцы привыкли к старым фитильным ружьям, а новое оружие им не понравилось. Вот и отправили его... в Сибирь. Сибирякам же новые ружья пришлись по душе. Стреляют быстрее, перезаряжаются проще. Правда, замки часто ломаются. Но в сибирских острогах были особые люди – кузнецы, которые не столько подковы лошадям мастерили (хотя это тоже могли), сколько оружие чинили.

Вот и оказалось, что в «неизвестных землях» оружие было более совершенное, чем в метрополии. Есть и второе обстоятельство: иностранцы (литвины, ляхи, шведы и прочие немцы), которых в Сибири было очень не мало. Историки порой говорят о «сибирском иностранном легионе». Туда отправляли пленных, ссылали совершивших проступок наемников. Причем же здесь они? Выше я писал, что «открытием» Европы было не столько огнестрельное оружие само по себе, сколько система залпового огня (стрельба плутонгами).

Официально эта новация вводилась в новейших подразделениях российской армии (полках иноземного строя) уже при Романовых. Но вполне можно предположить, что систему залпового огня знали и казаки, переняв ее у иноземцев, которые, кстати, как правило, в казаки и определяли. Этим тоже можно объяснить способность относительно небольших отрядов русских войск противостоять в несколько раз превосходящему их противнику, также вооруженному огнестрельным оружием.

Система залпового огня (стрельба плутонгами)

Кроме того, не стоит забывать, что в Приамурье шли лихие люди, быстро перенимавшие у аборигенов все их боевые приемы, умело применяющие не только огнестрельное оружие, но и стремительные набеги, засады, ловушки.

Было и третье обстоятельство: огромный опыт русских по строительству речных судов и использованию рек. Наличие таких флотилий из крупных (кочей) и малых (дощаников) судов, позволяло им очень быстро менять дислокацию, обеспечивало относительную неуязвимость. Венецианцы были первыми на Средиземном море, а португальцы и испанцы и, позже, голландцы и британцы покорили океаны. Русским же пространством в Сибири было пространство Великих Рек. Именно по рекам шло освоение гигантского мира за Уралом.

Русские речные суда (дощанники)

Умело и быстро строили русские люди в Сибири укрепления, используя не камень, как в Европе, но дерево и грунт – от обычного частокола и относительно слабых «приставных» стен (по сути, палисада вокруг лагеря) до мощных земляных сооружений с частоколом, заполненными землей клетями, башнями и раскатами (сооружениями для установки пушек), вынесенными за линию укреплений. Это тоже создавало немалые преимущества.

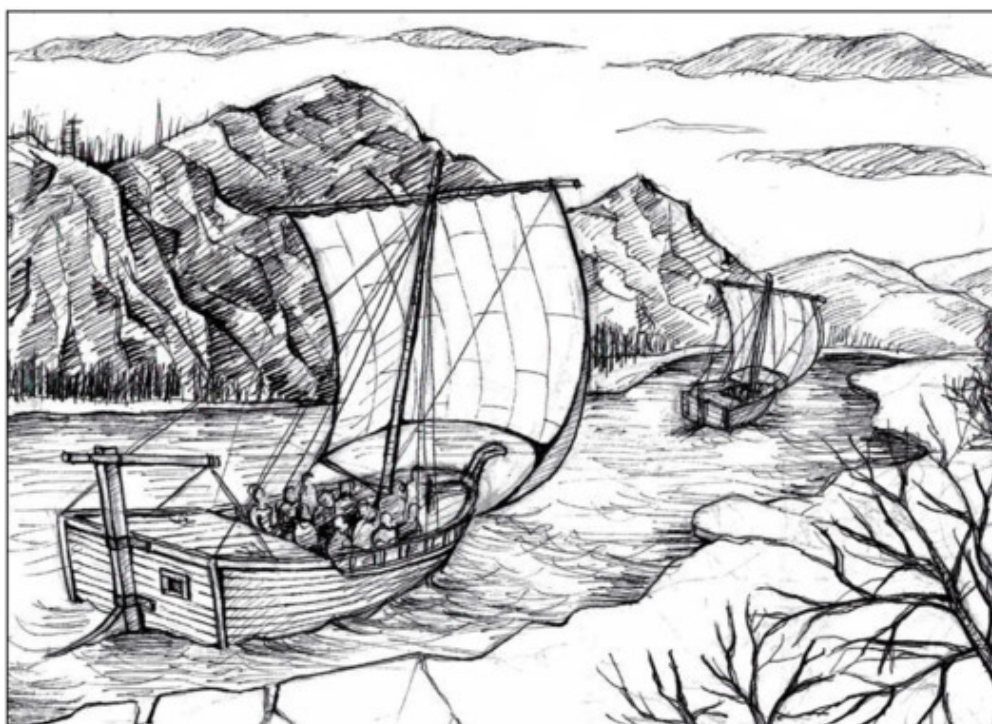
К тому же стоит помнить, что эпоха гигантских армий еще не пришла. Десяти-пятнадцатитысячный корпус был очень даже армией. Этих войск хватило испанскому полководцу герцогу Альбе, чтобы привести в покорность восставшие Нидерланды. Примерно столько войск было сосредоточено с русской и польской сторон в первой войне за Смоленск (1632—1633 гг.). Да и на полях Тридцатилетней войны, особенно на первом ее этапе, сталкивались армии подобной численности.

Острог XVII века

Иными словами, перед нами история долгой и сложной войны со своими героями и анти-героями. Но есть нюанс. Если на первом этапе войны сражались северная крепость маньчжуров и отряд первопроходцев, то на втором, албазинском этапе, тем же русским отрядам, воевавшим, практически, на свой страх и риск, противостояла уже военная машина маньчжурской империи. В битвах с ней гибли воины Приамурья и просто жители этой земли. Зато итогами войны воспользовались, конечно, не они, а власть, получив доступ не только к вождленным китайским товарам, но и к первым в Русском царстве богатым месторождениям серебра.

Начальными (приказными) людьми на Амуре в разное время были Ерофей Хабаров, Онуфрий Степанов Кузнец, атаман «казацкой республики» Никифор Черниговский (Черняховский), признанный позже «царским приказчиком», воеводы Алексей Толбузин и Афанасий Бейтон. О каждом из них я попробую рассказать, ведь каждый из них был уникальной личностью, которая могла сформироваться только здесь, на Сибирской Украине, вдали от всякой власти.

*« В лето 7058 учинил у себя Царь и Великий князь
Иван Васильевич выборных стрельцов с пищалей
три тысячи человек и велел им жити в Воробьев-
ской слободе, а головы у них учинил детей бояр-
ских; <...> Да и жалования стрельцам велел
» давати по четыре рубля на год*

Глава 3.

Промышленный человек

Ерофей Хабаров

Итак, наша история начинается в 1649 году, когда из Якутского острога на Амур вышел отряд под командованием промышленного человека Ерофея Хабарова. Но повествование о появлении Русского Приамурья имеет долгую предысторию, и она так или иначе связана с судьбой Ерофея Хабарова – наверное, одного из самых загадочных персонажей в истории России. С одной стороны, его имя увековечено в названиях крупнейшего города в Приамурье и железнодорожной станции в Амурской области, а памятник ему встречает гостей на привокзальной площади в Хабаровске.

С другой стороны, чем, собственно, славен этот человек, кроме того, что возглавил далеко не первый и, по официальной версии, не вполне успешный поход на Амур? Да и как вышло, что военный поход, благословлённый воеводой, возглавил совершенно частный персонаж? Как частное лицо, не обладающее никакой «государственной» должностью, получает статус «приказчика Даурской земли», то есть главного на Амуре? Чтобы понять это, и стоит обратиться к невероятно сложной, яркой и авантюрной биографии этого человека.

Ерофей Павлович Хабаров родился в начале XVII века (данные расходятся от 1601 до 1610 годов) на Русском Севере близ города Устюг – в то время одного из богатых торговых городов страны. Наиболее вероятное место рождения – деревня Святица. По месту рождения в Сибири он и именовался Ерофеем Святицким. Хотя есть и убедительные аргументы о том, что в Святицу семья Хабарова переехала позже, а родился он в селе Дмитриево. Традиционно считается, что Хабаров происходил из крестьян. Его семья владела сенокосными лугами и пашней. Был и дом в деревне. Впрочем, были у Хабаровых дома и в городах Устюге, и Сольвычегодске. Да и семейное прозвище – Хабаров – происходит от старорусского слова «хабар» – добыча, прибыль. Это позволяет предположить, что семейной традицией были не столько крестьянские занятия, сколько промысел. Возможно, что и лихой, ушкуйный (пиратский) промысел. Впрочем, в Поморье это, вероятно, не особенно отличающиеся виды деятельности.

Памятник Е. П. Хабарову

Земля на Севере была не слишком плодородной. Пахали в основном на пепелище, выжженном участке леса. Несколько лет такой участок давал хороший урожай, но после переставал родить. Землепашцы выжигали следующий участок. Занятие это было крайне трудоемким и не очень доходным. Но то, что не могла дать земля, давали реки и море. Рыболовство в тех местах было столь же значимо, как и землепашество. Не случайно в Поморье до сих пор говорят, что безрыбье хуже бесклубья. Выручали и лесные промыслы. Охотились люди на пушного зверя, варили соль. Ходили они в походы в Сибирь за мехами. Сибирские походы были предприятиями доходными: говорили, что на рубль в Сибири десять рублей прибыли идет. Потому многие поморы предпочитали это дело иным, менее доходным, крестьянским занятиям.

Видимо, таким был и юный Ярко, как в некоторых документах значится имя Хабарова. Уже в 1623 году, довольно молодым человеком совершает он первый поход с односельчанами на сибирские промыслы. Вернулись с большим прибытком. В тот год прикупила семья заливные луга в деревне Выставок Ленивцев. А жене с дочкой, пожелавшей на время отсутствия супруга жить «у своих», прикупил Хабаров домик в Сольвычегодске.

Новый поход Хабарова стал приключением длиною в жизнь. На этот раз в 1626 году двинулся уже не один. С Ерофеем пошел младший брат Никифор. Шли не привычным для помо-

ров путем – по холодному северному морю до пушных мест, а через Каменный пояс до Верхотурья, а оттуда – до Тобольска, главного в те годы города в Сибири.

Но в Тобольске долго не задержались. Город был обжитой, воеводский. Здесь была и главная сибирская таможенная изба, а при ней – стрельцы, дьяки и подьячие. Невыгодно здесь выходит промышлять. Всякий человек, от пашенного крестьянина до воеводы, отбывая из Сибири на Русь, подвергался строгому досмотру. Все «незаконное» (меха, моржовые клыки, иные товары, объявленные государевой монополией) изымалось. Хотя «свое» Ерофей Хабаров смог урвать и здесь, послужив при таможене. Но все же это не то. Нет настоящей воли, да и хабар небольшой. Иное дело на севере, в далекой «златокипящей Мангазее», куда и в первый раз плавал Хабаров.

О Мангазее стоит рассказать подробнее. Место это было особенное. Расположено оно было недалеко от Обской губы (место впадения Оби в Северный океан), на реке Таз. Еще в эпоху вольного Новгорода была заложена в тех местах торговая фактория. Безделушки, дешевые ткани, скобяные изделия, инструменты меняли здесь у местных народов на драгоценные меха. По бурному северному морю меха вывозили в Великий Новгород, а позже в Архангельск, там продавали их иноземным гостям. Долгие годы промысел этот процветал. Говорили, что на один рубль, вложенный в Мангазее, можно получить не десять, а сорок рублей прибыли.

Фактория расширялась, строилась. К началу XVII века усилиями казаков сотника Максима Перфильева, будущего основателя Братска, возник город с башнями, городской стеной и детинцем-крепостью. В крепости – лавки и дома самых начальных (главных) жителей, церковь, приказная изба. За крепостью – дома тех, кто беднее или прибыл недавно. Большой выходил город по сибирским меркам – несколько тысяч жителей, в основном, выходцев с тех же, что и Хабаров, северных земель. Построили братья небольшой дощаник (так называли легкое судно для речных путешествий), да и подались к Мангазее, по великой реке Оби. Хотя к тому времени вольный город уже стал царским, с приказчиком и таможенной избой, но слава о его богатстве неслась по русской земле.

Только в Мангазее желающих получить прибыль было тоже изрядно. Наняли братья покрученников, работников, снаряженных на хозяйские деньги, жалование от них получающих, и поплыли по рекам далее. Пошли на новые земли. Промысел был удачным, вернулись с большой добычей, принялись обживать. И совсем бы жизнь стала налаживаться, только принесло в «златокипящий» город нового воеводу. И не одного, а целых двух. Старшего – Григория Кокорева, и младшего – Андрея Палицына.

Кокорев был из старинного боярского рода. Родство свое считал от Рюрика, знался с самими царями. Палицын же был дворянином мелкопоместным, выслужившимся в царствование Бориса Годунова. Происходил из тех самых поморов, что и большая часть мангазейцев. Присылка двух воевод вместо одного не была случайностью – Царь Михаил или кто-то из царских ближников решил таким способом бороться с самоуправствами волостных владык.

Пока Великое княжество Московское было величиной чуть меньше современной Московской области, контроль со стороны Великокняжеского двора осуществлялся просто и естественно. Но Русское царство к началу XVII столетия уже превосходило не только владения Всеволода Большое гнездо или Владимира Мономаха, но и территорию Золотой Орды.

Теперь контролировать отдаленных воевод было и сложно, и не эффективно. Пока весть о беде дойдет до Москвы, пока в столице решат, что делать да вестника или войско вышлют, от того воеводы с его воеводством только рожки да ножки останутся. Потому и предписывалось отдаленным, а особенно сибирским воеводам править так, «». *как господь вразумит*

Расширение Российского государства в XVII веке.

По сути, воевода оказывался в положении самовластного государя: своя казна, свой суд, свои войска, право казнить и миловать всех, до кого дотянется. Смута показала, насколько опасно такое всевластье местного правителя для власти центральной. Вот и решил государь

рассылать не одного, а двух воевод. К тому же, таких воевод, которые бы следили друг за другом. С этой точки зрения Кокорев и Палицын «подходили» идеально.

Кокорев был человеком властным, своевольным, при этом – искушенным царедворцем и интриганом, воспринимавшим назначение в Мангазею как опалу и ссылку. Себя считал достойным если не царского венца, то места подле трона уж точно. Палицын был совсем другого замеса. Выходец из служилых дворян, он за время Смуты побывал во всех без исключения лагерях. Окончил свой бег в Москве, в войске князя Пожарского. Причем, везде искренне, от души. Может быть, именно это и спасло его от плахи. В отличие от Кокорева, его младший коллега не брезговал общением с крестьянами да с мастеровыми, с купцами и промышленными людьми.

Еще в дороге воеводы умудрились не только поссориться, но и подраться. По приезду тоже жили и правили раздельно. Кокорев жил в крепости, в воеводском доме, старательно превращая его в столичную боярскую усадьбу. Окружил себя стрельцами и подьячими. Без охраны ни в город, ни на богомолье не выходил. Да и было отчего. Не сложилось у него с мангазейцами. Сразу по прибытию показал старший воевода, что благоволит он к тем, кто часто его поминает (дарит подарки). Деньгами ли, мехом ли, заморскими тканями – неважно. Но подарки должны быть богатыми, *«» не стыдными*

По подаркам он и суд судит, и дело ведает. К тем же, кто поминал его нечасто, особенно к промышленным и торговым людям, был Кокорев крут. Податей драл три шкуры. Две из них себе оставлял. Дивился народ мангазейский, к таким делам непривычный. Дивился, но до времени молчал. Ведь здесь не Москва, где от злого воеводы не скроешься. Здесь Сибирь. А в Сибири тропок много. Вот и стали промышленные люди меха возить из других мест. К примеру, из ближнего к Мангазее Туруханска. Кокорев же, видя, что доходы падают, лютовал все больше.

Младший воевода Палицын, напротив, поселился в городе. С промышленными и торговыми людьми жил ладно. Помогал, чем мог. Рассылал на восток отряды охотчих людей. От него братья Хабаровы со своими людьми получили разрешение промыслять на пустых землях. Ходили они на Таймыр, в низовья Енисея, сплавлялись по рекам почти до Великой реки Лены. Промысел был знатный.

Задумывался Палицын о присоединении тех земель к России, вместе с промышленниками составлял грамоту для московской власти. Участвовал в составлении той грамоты и Ерофей Хабаров. И не просто участвовал – во многом именно путешествия братьев Хабаровых и легли в основу грамоты.

Только вот жизнь в Мангазее становилась все более непонятной. Отношения между воеводами и их сторонниками становились все «горячее». Кокорев доносил в Москву, что его соправитель *«»*. Обвинял Кокорев Палицына и в колдовстве с бесовством. Обвинения, которые выдвигал Палицын, были земными, но не менее жесткими. Обвинял он Кокорева в мздоимстве, насилии, нерадении государевой службой. Только доносы те оставались без внимания. Что за дело Стольному граду до ссоры двух воевод на краю света, если меха поступают исправно. Тогда решил Палицын выдвинуть обвинение серьезнее. Воспользовавшись пьяной фразой кокоревского сотрапезника (*«»*), обвиняет он соправителя в попытке государственного переворота и принятия иноземного подданства. Как тогда говорили: обвиняет в *«»*. Вздвешенный Кокорев пытается действовать силой, но на сторону Палицына встает население Мангазеи. Стычки перерастают в боевые действия. Мангазейцы осаждают собственную крепость, где заперся воевода со своими стрельцами и домочадцами. Крепость взять не смогли, хотя стрельцов побили изрядно. Те в отместку сожгли город пушками. Палицын и его сторонники строят новый острог – Новую Мангазею. Там продолжается сбор ясака. Однако корабли Кокорева не пропускают его к морю. Торговые пути все активнее уходят от «златокипящего града». Мангазея стремительно движется в пропасть. *по вси дни пьянствует с мужиками, да творит*

всяческие непотребства, чем чести государевой делает изрядный изъян А нас государь Григорий Иванович жалует воровстве

Но Хабаровы этого уже не застали. В 1630 году, когда отношения между воеводами были еще на стадии «холодной войны», по настоянию того же воеводы Палицына они с очередной челобитной отплывают на своем суденышке по рекам в Тобольск, а оттуда на Запад. Никифор остается в Устьюге, а Ерофей с воеводской грамотой отправляется в столицу. Как сложилось дело Хабарова в Москве, узнать уже не удастся. Но известно, что в грамоте Андрей Палицын кроме жалоб на Кокорева излагал свой проект похода на реку Лену, куда уже ходили братья. Предлагал он взять под высокую государеву руку земли «. до восток солнечных, до переходу великого царя Александра и до превысокого холма Каркаура», туда, где «обитают люди единого и единорукие»

Похоже, что идея «Новой Мангазеи», новых богатых пушных промыслов пришлось при дворе по вкусу. Сам же Хабаров приобрел столичных покровителей, заинтересованных в его путешествии на новые земли. Во всяком случае, дальнейшие события делают наиболее вероятным именно этот вариант. Он спешно собирается в новый поход. На этот раз навсегда.

Не нашлось свидетельств того, как добирался он в Сибирь. Известно только, что нанял он – то ли в Тобольске, то ли дальше, в Енисейске – три десятка покрученников. С ними и отплыл на большом судне, коче, которое могло и под парусами идти, и на веслах. Плавали такие корабли по рекам и даже по морям. Главным же его достоинством для Сибири была легкость конструкции, позволяющая между реками перетаскивать судно волоком.

Шел он не привычным северным путем, который еще по воле воеводы Палицына был проведен из Мангазеи (опустела к тому времени Мангазея, погубила ее воеводская война, а царский запрет на плаванья по северным морям и вовсе вбил в гроб ее последний гвоздь). Шел он через Нижнюю Тунгуску, Илим и реку Куту. С выходом на среднее течение Лены. Шел не один. С ним шел знаменитый уже к тому времени на всю Сибирь атаман Иван Галкин со своим отрядом. Точнее будет сказать, что с отрядом Галкина шел Хабаров со своими людьми. Хотя план освоения привез Хабаров (как и согласие на него от столичных властей), властью в походе был именно Галкин. С отрядом Ивана Галкина и покорял Хабаров приленские земли, воевал с «немирными инородцами», учился дружить с врагами тех, с кем воевал, а порой спасал попавшего в засаду атамана. Там, на Лене, и осел. На Лене он и начинает уже привычный промысел.

Сибирский коч

Частью меха добывались охотой, частью их скупали у местных жителей, меняя на русские товары. А где-то и силой забирали, если плохо лежало. В те времена такой поступок был нормальным. Построили укрепленное зимовье, тоже типа крепости, но поменьше и без крепких стен. Чтобы представить себе такое укрепленное зимовье, вспомните форт, который в «Острове сокровищ» защищают от пиратов друзья Джимми Хокинса. Словом, зажили.

Что-то даже в казну сдавали, чтоб не обижать, да официальную грамоту иметь на меха. Но большая часть добытого добра шла, конечно, мимо государевой таможни, привычным для Поморов северным путем.

Младший брат, Никифор, доставлял товары «». Ерофей Хабаров эти товары менял у местных людей на меха, которые мимо государевой таможни шли в западном направлении. Любезный друг Иван Галкин, который долгое время был на Лене главным государевым человеком, ему помогал. Сам оповещал местных инородцев и промышленных людей, что Хабаров больше, чем казна платит. *из русских земель*

Так и шли дела. Никифор русский товар на Лену поставляет. Ерофей здесь его на меха меняет, да назад с братом отправляет. И народ ленский доволен. Получает он по честной цене топоры, скобяной товар, шерстяные ткани. А где-то – оружие и порох, поставляемые мимо царских и воеводских застав. И Галкин с Хабаровыми совсем не в убытке.

Однако такая совсем вольная жизнь продолжалась недолго. Осенью 1632 года на Лену приходит новая власть. Казачий отряд под командованием знаменитого сотника Петра Бекетова основывает Ленский острог. Иван Галкин со своим отрядом отбывает в южном направлении. Острог основывался не на пустом месте (острогов, которые строились с нуля, в Сибири было немного). Здесь располагалось Ленское плотбище – место, где строились и чинились суда для плавания по Лене. Был и небольшой, построенный на скорую руку, городок. Но то поселение было вольное, состоящее из охотников и промышленников.

Теперь же был поставлен государев острог. А там, где острог, сразу строилась таможня, появлялись запреты, мзды, поминки и прочие атрибуты «цивилизованной жизни». Однако пока это, хоть и власть, но своя, сибирская. С ней и договориться можно. Петр Бекетов, хоть сотник и сын боярский, однако человек с пониманием. Договариваются и братья Хабаровы. Московская, воеводская власть пока в далеких разрядных (столичных) городах Енисейске и Томске. С этой властью не договоришься. По крайней мере, гораздо труднее и дороже.

Но Хабаров понимал, что долго он на пушнине не продержится, ведь государь объявил весь пушной промысел государственной вотчиной. Промысел Хабаровых, хоть и выгодный всем, а совсем незаконный, «воровской». Промышленные люди должны были сдавать меха в казну по цене, какую им укажут. Как правило, цена эта была, как ни удивительно, раза в два ниже, чем та, за которую торговали сами промышленники, и раз в десять ниже, чем за меха платили в Архангельске. И за то было им от государя «». *милостивое государево слово*

По идее, к тому слову должны были прилагаться жалование и хлебные отпуска, русские товары для обмена, порох, ружья. Вот только поставлялось все это очень не регулярно. Челобитные с просьбой о том, чтобы «пожаловать» невыплаченное довольствие и прочее были общим местом в те годы. От всех благ оставалось только слово. Милостивое слово – оно, конечно, замечательно, только ведь его на хлеб не намажешь, в карман не положишь. А деньги, прибыток, хабар нашему герою нужны очень. И не просто мощну набивать. Деньги – это небывалый для того времени авторитет частного лица. Ведь хоть и обласкан Ерофеем Хабаров в Стольном граде, дружен со знаменитыми в Сибири людьми, а все же сам он – не то, что не воевода или сотник, так даже не «поверстаный» служилый человек, не купец и не мещанин. Так, промышленник, хотя и не бедный.

Но пушной промысел становится все более рискованным. Тут-то и вспоминает Ерофей главную беду Восточной Сибири – нехватку хлеба и соли. В устье реки Куты, по которой некогда плыл на Лену, обнаружил он соляные ключи. Взял их в аренду, поставил варницы. Дело было непростое. О ключах знали многие, только промысел организовать опасались. Но промышленник справился. Или сам знал, как варницы поставить, или знающих людей нашел. С тех пор и до конца его жизни эти варницы снабжали солью землю за Енисеем и Байкалом. Там же, неподалеку, его покрученники распахали поля, арендованные Хабаровым за уплату десятой части. Поднятая новь дает завидный урожай – почти тысячу пудов зерна в год продает Хабаров. Сегодня над этими полями гуляют волны водохранилища, питающего сибирские гидроэлектростанции. А некогда пашни, начало которым положил Хабаров, кормили всю Иркутскую губернию.

В то время, когда Хабаров переносит основную (по крайней мере, видимую) деятельность с пушнины на землепашество и добычу соли, в Якутск, ставший центром самостоятельного воеводства, прибывает настоящая власть. В острог из Москвы явился воевода – царский стольник Петр Головин, да не один, а с младшим воеводой Матвеем Глебовым, дьяком Ефимом Филатовым, двумя письменными головами (что-то вроде чиновника по особым поручениям) и четырьмя сотнями городских казаков и стрельцов. Прибыли они не просто так, но с многочисленными царскими наказами об увеличении ясака, приведении под цареву руку новых поставщиков пушнины и тому подобными строгими повелениями.

Головин правителем оказался жестким. Хотя обвинения его в мздоимстве, как часто бывает, были, скорее всего, поклепом. Доносы в то время – едва ли не главная форма «обратной связи» власти с подданными. Писали их и на якутского воеводу. В стиле: как так, при деньгах и не ворует. Не бывает этого. Только не того уровня фигура, чтобы на мелочь зариться. Род Головиных – один из первых и древнейших на Руси. Более вероятно, что повеления, наказы государевы он старался исполнить в силу своего разума. Но человек он был не местный, оттого множество неприятностей при его правлении и случилось.

По его велению было переписано ясачное население, что местные жители восприняли едва ли не как наступление последних времен. В результате переписи ясак с якутов возрос почти вдвое. Вроде бы, правильно все, по закону, да только не по правде. Не по-людски. Роптали инородцы. Казакам и прочим посадским велел перенести острог на новое место, где бы его разливы реки не рушили. Вроде бы и это правильно, но тяготно для привыкшего к воле сибирского люда. А если добавить сюда повинности, которые появились с новым воеводой, то картина и вовсе невеселая получается.

Ото всей этой радости в 1642 году народ восстал и, как в Мангазее, осадил крепость с засевшим там воеводой и городовыми казаками. Воевода Матвей Глебов предлагал с восставшими людишками договориться. Только Головин на переговоры не пошел, а сел в осаду. И не прогадал. Посланный в Енисейск гонец вернулся с подмогой. А между восставшими якутами и русскими пошла разногласия, и они... разошлись по своим делам. Головин же двинулся за ними и по частям рассеял и разгромил восставших, несколько человек казнил, многих бросил в тюрьму. Все это для Сибири было явлением неслыханным.

Не то что люди здесь не гибли – напротив, к смерти в бою или на охоте, да и просто в походе, здесь были привычными. А вот к казни и тюрьме – нет. Любая сибирская власть понимала – конечно, народишко здесь не сахарный, только ведь другого взять негде. Мало людей. Очень мало. Потому и берегли и лелеяли каждого: умелый мастеровой, оборотистый купец, промышленник мог себе в Сибири позволить больше, чем иной боярин при царском дворе. Да и просто житель чувствовал себя от власти вполне защищенным. Ведь если что не так, собраты в Сибири еще быстрее, чем за Уралом – взял котомку и пошел. Сибирь – она везде Сибирь.

Даже тюрьма в сибирских острогах в тот период была (в отличие от европейских застенков или московских пыточных подвалов) вещью довольно условной. То есть, на ночь заключенных, конечно, запирали. А днем узники беспрепятственно бродили по городу, пили вино с товарищами по несчастью (если были деньги) да костерили власти. У Головина же все было иначе. Казни были не условными, а смертными. Наказывали не батогами через зипун (скорее, массаж, чем наказание), а кнутом спускали кожу. Из темницы не выпускали. И ведь не только бунтовщики оказались в острожной тюрьме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.